

ХРОНОСЪ

И. Груберъ.

Фантастическіе разсказы.

ГИБЕЛЬ ЗЕМЛИ.

ШШОНЪ СЪ МАРСА.

Бесплатное приложение къ № 4 журнала

Заходней

Н. Грунертъ.

Фантастическіе разказы.

ГИБЕЛЬ ЗЕМЛИ.

ШНІОНЪ СЪ МАРСА.

Переводъ съ нѣмецкаго

Р. Марковичъ.

1911

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изд-ство «Хроноосъ».

Типографія

Т-ВА „ЕКАТЕРИНГОФСКОЕ
ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Екатерингофск. пр., 10.

Гибель земли.

I.

«...И пёртурбація эта наблюдалась въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ. Въ виду этого было бы очень важно, въ цѣляхъ сравнительнаго изслѣдованія, организовать правильныя наблюденія во всѣхъ европейскихъ обсерваторіяхъ. Надо надѣяться, что опасенія моего молодого сотрудника окажутся тогда преувеличенными; ии-че насъ, право, было бы жаль... не правда ли, уважаемый и дорогой коллега?»

«Не теряю надежды, что вы все же соберетесь, наконецъ, посѣтить нашу обсерваторію и дадите мнѣ возможность показать вамъ нашъ новый 50-дюймовый инструментъ. Соберитесь-ка поскорѣе, право: ну, вдругъ это правда, и мы съ вами такъ и не успѣемъ повидаться?»

До свиданья! И да будетъ намъ дѣйствительно суждено свидѣться!

Вашъ Т. Е. Лескопъ».

Директоръ получилъ это письмо у себя въ кабинетѣ обсерваторіи въ П. и по прочтеніи просидѣлъ нѣсколько времени въ глубокомъ раздумьи, потомъ быстро поднялся нажалъ одну изъ кнопокъ у себя на столѣ и приказалъ вошедшему служителю попросить д-ра Штейнвега.

Когда докторъ вошелъ, директоръ молча протянулъ ему полученное письмо и тотъ такъ же молча принялся читать его. Но его выразительному, умному лицу было видно, что по мѣрѣ чтенія его живой интересъ къ содержанию письма возрасталъ съ каждой строкой.

— Что вы скажете, докторъ? — спросилъ директоръ.

обсерваторіи, когда тотъ положилъ на столъ прочитанное письмо.

— Г. директоръ, письмо не сказало мнѣ ничего новаго, хотя послѣдніе выводы и нѣсколько неожиданны для меня...

— Какъ?... Вы, значить, съ своей стороны...

— Эти пертурбаціи я наблюдаю уже нѣсколько недѣль.

— Вотъ какъ? И даже не сообщили мнѣ объ этомъ?

— У меня не было достаточной увѣренности, г директоръ. Случай этотъ настолько необычаенъ, такъ рѣзко выходить изъ обычнаго круга астрономическихъ событій...

— Понимаю, дорогой докторъ. Какого же вы мнѣнія объ этой таинственной исторіи?

— Г. директоръ, я и теперь предпочелъ бы еще не высказываться. Но на основаніи своихъ наблюденій и вычисленій я все же, кажется, могу сказать, что...

— Что? Говорите же, дорогой докторъ!

— Что... какъ это ни кажется фантастичнымъ и ненаучнымъ... какое то неизвѣстное небесное тѣло,—огромное, колоссальное,—приближается съ невообразимой быстротой къ нашей планетной системѣ?..

— Въ такомъ случаѣ, оно давно должно было быть видно и было бы замѣчено какой нибудь обсерваторіей?..

— А если... это невидимое свѣтило?

— Вы хотите сказать, что,—согласно гипотезѣ Голлеча,—это, быть можетъ, комета, лишенная возможности выйти на своемъ пути изъ круга солнечныхъ лучей? Вродѣ кометы „Хедивъ“ 1882 года, тоже только случайно открытой въ непосредственной близости отъ солнца съ помощью фотографическаго снимка, сдѣланнаго въ моментъ полнаго солнечнаго затменія?

— Да, эта гипотеза могла бы объяснить по крайней мѣрѣ ея невидимость; но непонятной и загадочной все же остается степень ея огромнаго вліянія на нашу систему,—напримѣръ, на орбиту луны; вліянія дотога огромнаго, что оно заставляетъ предположить массу, гораздо болѣе грандіозную, чѣмъ обыкновенно имѣютъ кометы,

— Но въ такомъ случаѣ это вовсе и не комета въ обычномъ смыслѣ! Кстати: не пытались ли вы—по измѣненіямъ, замѣченнымъ въ системѣ—точнѣе вычислить положеніе неизвѣстнаго виновника пертурбаціи, элементы его орбиты?..

— Нѣтъ еще, г. директоръ.

— Ахъ, въ такомъ случаѣ займемся этимъ сразу же! Данныхъ, имѣющихся въ этомъ письмѣ, значительно облегчатъ эту работу.

И директоръ передалъ своему главному ассистенту объемистое письмо, съ заключительными строками котораго мы только-что познакомились.

Одинокое и заброшенное высилосъ большое зданіе обсерваторіи, построенной на самомъ возвышенномъ мѣстѣ окрестностей П.

Одинокое сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ среди обширнаго зданія докторъ Штейнвегъ. Передъ нимъ на столѣ лежали испещренные формулами и цифрами рукописи, надъ которыми онъ напряженно работалъ все послѣднее время.

Что же говорили всѣ эти затѣйливые черные значки? Что означала эта безконечная формула на отдѣльномъ листѣ, къ которой десятки разъ снова и снова возвращался ассистентъ во время работы?

Уже нѣсколько недѣль Штейнвегъ замѣчалъ нѣкоторыя неправильности въ движеніи луны, выходившія за обычные предѣлы маленькихъ уклоненій, издавна извѣстныхъ астрономамъ.

Правда, и эти новыя уклоненія были такъ незначительны, что подмѣтить ихъ могло только самое пристальное, изощренное наблюденіе, — и Штейнвегъ самъ вначалѣ приписывалъ ихъ только мелкимъ несовершенствамъ собственнаго наблюденія. Но съ теченіемъ времени эти неправильности все больше и больше теряли свой случайный характеръ, который могъ бы находить объясненіе въ субъективныхъ ошибкахъ наблюденія, — и все больше принимали характеръ объективно-вѣроятнаго явленія.

И какъ разъ въ то время, когда онъ пришелъ къ заключенію, что эти возрастающія съ каждымъ днемъ неправильности могутъ быть вызваны только силой притяженія какого-то огромнаго мирового тѣла, несущагося съ ужасающей быстротой къ нашей планетной системѣ, въ это самое время получило письмо директора Т. Е. Дескопа изъ Моунтъ Гамильтона.

Письмо это не только явилось подтвержденіемъ его собственныхъ наблюденій, но въ астрономическіяхъ данныхъ своихъ заключало, кромѣ того, столько новаго матеріала, что онъ могъ теперь опредѣлить элементы пути этого загадочнаго, совершенно невидимаго еще небснаго тѣла

Въ глубокомъ раздумьи онъ снова принялся за листъ формуль и вычислений.

— Это такъ и иначе быть не можетъ! беззвучно проговорилъ онъ, наконецъ.

Онъ взялъ карту небеснаго свода, на которой отмѣчено было движеніе земли по эклиптикѣ отдѣльно для каждаго дня года,—и провелъ по ней карандашомъ небольшую кривизну дугу.

Затѣмъ онъ всталъ и открылъ окно.

Мягкая и теплая ласка вечерняго воздуха освѣжила его лобъ.

Передъ нимъ разстилалась во всей пышной лѣтней красѣ богатая растительность долины съ колыханіемъ золотистыхъ нивъ, съ миллиардами наливающихся и рдѣющихъ плодовъ въ садахъ и овощей въ огородахъ.

Благословенныя нѣдра земли бременѣли развивающимися новыми жизнями...

Но узкой тропинкѣ возвращалась съ поля домой молодая женщина въ крестьянскомъ платьѣ, медленно и устало переступая по откосу, словно и она несла свою ношу.

Благословенное чрево молодой женщины бременѣло развивающейся новой жизнью...

Докторъ Штейнвегъ отошелъ отъ окна, сѣлъ за свой письменный столъ и закрылъ глаза, какъ будто у него не хватало силъ дольше созерцать великолѣпія расцвѣтшей природы.

Грядущая судьба не считается ни съ чѣмъ,—думалъ онъ; ничего она не хочетъ знать,— ни зимы, ни лѣта ни дня, ни часа, ни посѣва и жатвы, ни цвѣтка и плода...

И все же правъ великій британецъ, требующій отъ жизни человѣка одного: зрѣлости...

Штейнвегъ задумался о своемъ прошломъ.

Иные плоды созрѣли, правда, изъ яркихъ цвѣтовъ юности; правда, грядущее не застигнетъ его совсѣмъ неготовымъ; но лучший цвѣтокъ его жизни сломался, еще не распустившись...

И вспомнилась ему его молодость.

Въ глазахъ женщинъ—дѣвушекъ и матерей среди своихъ знакомыхъ—онъ считался еще и теперь молодымъ, несмотря на свои сѣдые волосы; онъ былъ неженатъ и предполагалъ блестящими средствами. Но ему вспомнилась дѣйствительная молодость его.

Онъ вспоминалъ свою молодую любовь, которой были посвящены его первые стихи и слезы.

Цѣломудрено, серьезно и чисто было его чувство; на одинъ единственный робкій поцѣлуй хватило у него дерзновения въ одинъ блаженный мигъ... И одинокій, суровый ученый не могъ не улыбнуться и теперь, при воспоминаніи объ этомъ поцѣлѣ и о томъ, какъ смуглились они оба тогда...

Судьба разъединила ихъ потомъ и вообще обошлась съ нимъ очень неласково и немилостиво.

Онъ не встрѣчалъ ея больше, но зналъ, что и она — эта суровая, гордая, замкнутая душа — живетъ до сихъ поръ одна и одинъ-кая далеко отсюда...

Чей-то стукъ въ дверь прервалъ его грустныя думы; въ комнату вошелъ директоръ.

— Я такъ и думалъ, дорогой докторъ, что вы еще у себя въ кабинетѣ! Представьте себѣ, я получилъ еще три телеграммы, извѣщающія о томъ же явленіи!

— Да, теперь это уже фактъ, не подлежащій сомнѣнію! Вагляните, г. директоръ, — вотъ вычисленіе пути невидимаго свѣтила...

Бѣлоснѣжная голова директора склонилась надъ протянутыми ему Штейнвегомъ листками, покрытыми безконечнымъ рядомъ формулъ и цифръ.

Съ каждымъ мигомъ лицо его становилось серьезнѣе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возбужденно сказалъ:

— Ну, знаете ли, докторъ... вѣдь это серьезнѣе, чѣмъ можно было думать! Я вижу, вы воспользовались формулой Крафта, дающей возможность опредѣлить положеніе даннаго тѣла съ помощью одной только постоянной?

— Совершенно вѣрно, г. директоръ.

— И вамъ вотъ это (онъ указалъ на одно изъ вычисленій) кажется безошибочнымъ?

— Насколько я могу судить, — да, г. директоръ.

— Но вѣдь въ такомъ случаѣ невидимый врагъ приближается къ землѣ съ угрожающей быстротой! Дайте-ка мнѣ карту земной орбиты.. Вѣдь это что же?.. Выходитъ какъ будто, что земля въ это же время...

Штейнвегъ протянулъ ему карту, на которой начертилъ прежде дугу.

Директоръ бѣгло взглянулъ на нее, потомъ перевелъ на ассистента странно серьезный взглядъ и проговорилъ тихо и съ разстановкой:

— А вы уже начертали и готовый итогъ вычисленій!..

Такъ вотъ оно какъ!.. Значить, около 8-го августа невидимое, невидимое свѣтило столкнется съ нашей землей...

— И со скоростью около 150 километровъ въ секунду!..

— Это означаетъ, слѣдовательно, неминуемую гибель міра... прощенталь директоръ какъ будто про-себя.

— Гибель міра едва ли, —но гибель земли... безусловно!

II.

Гибель земли..!

Медленно и туго просачивалась въ широкіе слои человѣческаго общества эта вѣсть, ставшая въ короткое время въ кругу специалистовъ несомнѣннымъ фактомъ. Явившись въ началѣ своего возникновенія тайнымъ достояніемъ нѣкоторыхъ обсерваторій, она мало по малу проникла въ газеты. И разумѣется, встрѣтила на первыхъ парахъ единодушное отрицательное отношеніе.

Большинство газетъ снабжали сообщеніе объ ожидающемся событіи такимъ вступленіемъ:

«Опять свѣтопреставленіе! Но хотя на этотъ разъ эта вѣсть идетъ изъ ученыхъ сферъ, отъ господъ астрономовъ, довѣрять ей, мы полагаемъ, все же слѣдуетъ не болѣе, чѣмъ прежнимъ слухамъ».

За этимъ вступленіемъ слѣдовалъ обыкновенно болѣе или менѣе обстоятельный перечень всѣхъ случаевъ когда-либо предсказывавшейся гибели міра и затѣмъ большинство газетъ заканчивали статью почти одной и той же стереотипной фразой:

«Итакъ, будемъ надѣяться, что наша добрая старая мать-земля уцѣлѣетъ и на этотъ разъ на радость нашимъ читателямъ и на посрамленіе всѣмъ злымъ пророкамъ, возвѣщающимъ съ математической точностью день гибели міра».

Нечего и говорить, что юмористическіе журналы и листки изощрялись изо всѣхъ силъ въ насмѣшкахъ и ч.д.в. самой вѣстью, и надъ вѣстниками-учеными.

Въ день 3-го іюля утреннія столичныя газеты снова приложили все усердіе, чтобы успокоить населеніе и убѣдить его въ неосновательности слуховъ; всѣ наперывъ приводили извѣстное утвержденіе Араго о томъ, что вѣроятность столкновения земли съ какой-нибудь кометой или другимъ тѣломъ, выражается отношеніемъ

1:280 миллионъ, или — иными словами — такой вѣроятности все равно, что и не существуетъ совсѣмъ.

Вечеромъ того же дня сѣдой старикъ директоръ П.-й обсерваторіи, О. Б. Серваторъ, читалъ лекцію передъ многотысячной толпой. Таково было желаніе высшихъ сферъ, гдѣ, повидимому, рассчитывали, что разъясненіе всемірноизвѣстнаго ученаго всего успѣшнѣе разсѣять неосновательныя тревоги.

Старый астрономъ началъ совершенно просто и безъ всякаго паеоса рассказывать исторію ожидаемаго событія, затѣмъ перешелъ къ тѣмъ особенностямъ, какими отмѣченъ данный случай для ученыхъ специалистовъ: во первыхъ, невидимость надвигающагося небеснаго тѣла, которое можетъ быть названо въ просторѣчїи кометой, и во вторыхъ, колоссальность его, вычисленная по производимымъ имъ пертурбаціямъ. Элементы орбиты новаго міроваго тѣла вполне выяснены — сообщилъ лекторъ — и съ наибольшей доступной астрономіи точностью; на этомъ основаніи моментъ достиженія означеннымъ небеснымъ тѣломъ нашей земли предвидится 3-го августа текущаго года въ 3 часа 34 минуты 52 секунды пополудни.

До сихъ поръ собравшаяся многотысячная аудиторіа слушала соображенія и доводы астронома довольно вяло: вѣдь большая часть этихъ свѣдѣній была уже извѣстна изъ газетъ. Но въ эту минуту вся тысячеголовая толпа задвигалась, встрепенулась и насторожилась...

Всѣ напряженно ждали великаго всеразрѣшающаго но: официалаго заявленія, что, несмотря на всѣ безспорныя вычисленія и предсказанія, грозное событіе все же не совершится; что будутъ всевозможныя явленія — метеоры, падающія звѣзды — на небѣ, но серьезной угрозы нашей «сладостной привычкѣ бытія» все же не предвидится; что земля будетъ безпрепятственно двигаться въ міровомъ пространствѣ еще безчисленное множество миллионъ лѣтъ.

Старикъ директоръ выдержалъ небольшую, но томительную для аудиторіи паузу, затѣмъ вынулъ изъ лежавшей передъ нимъ папки листокъ и продолжалъ:

— Вчера на разсвѣтѣ намъ удалось, наконецъ, получить въ нашей обсерваторіи фотографическій снимокъ съ невидимой кометы. Способъ, которымъ это было достигнуто, заключается — изложу это вкратцѣ — въ томъ, что на пластинку наносится свѣточувствительный слой, который, въ противоположность обыкновеннымъ сухимъ пластинамъ, чувствителенъ не къ лучамъ видимаго

спектра, а къ ультра-фіолетовой его части, причѣмъ длина волны равна приблизительно 200 миллионнымъ миллиметра кънизу. Изобрѣтателемъ этой фотографіи невидимаго является нашъ главный ассистентъ докторъ Штейнвегъ—и вотъ на этомъ снимкѣ вы можете видѣть результатъ его трудовъ.

Директоръ передалъ ближайшимъ изъ слушателей вынутый листокъ..

Толпа начала тѣсниться къ нему со всѣхъ сторонъ..

Что же показывала эта фотографія?

Невъломое тѣло, поразившее даже людей несвѣдущихъ: ни тѣни сходства съ обычнымъ видомъ кометы. Прежде всего, эта комета не имѣла обычнаго хвоста болѣе или менѣе фантастическаго вида: но на снимкѣ не было и головы кометы, состоящей обыкновенно изъ оболочки и ядра; былъ только простой круглый дискъ, вырисовывавшійся на фонѣ неба тусклымъ фосфорическимъ отблескомъ—и больше ничего!

Въ толпѣ, разсматривавшей снимокъ, пронесся ропотъ разочарованія. Такъ вотъ оно, это грозное небесное тѣло, волновавшее все человѣчество въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ,—вотъ это тѣ невзрачный маленькій кружокъ? Даже безъ хвоста, который могъ бы нагнать страхъ?

Общее настроеніе прорвалось въ восклицаніи одного тучнаго берлинца, насквозь пропитаннаго пивомъ:

— Такъ это я столько времени дрожалъ передъ этойкой... дрянью?!

«Этакая дрянь» было почти единодушнымъ приговоромъ, который готова была произнести толпа надъ восвѣщеннымъ мировымъ странникомъ — еще раньше чѣмъ директоръ снова заговорилъ. Это настроеніе слушателей и смѣхъ, вызванный этимъ забавнымъ восклицаніемъ въ толпѣ, побудили директора заговорить совершенно другимъ тономъ, рѣзче и внушительнѣе.

И отчеканивая каждое слово со всей силой убѣжденія, онъ началъ рисовать широкую картину того, что ждетъ на этотъ разъ землю со стороны этой самой «дряни». На этотъ разъ дѣло идетъ не о невинномъ фейерверкѣ падающихъ звѣздъ, какъ бываетъ, когда маленькая комета пересѣчетъ земную орбиту; на этотъ разъ предстоитъ страшное столкновеніе, о которомъ можетъ дать только ничтожное-слабое представленіе—столкновеній двухъ курьерскихъ поѣздовъ, несущихся съ величайшей скоростью.

При этомъ столкновении, которое, вѣроятно, тотчасъ же остановить движеніе земли,—если бы даже земля и вынесла самую силу натиска, она должна быть приведена въ состояніе блага каленія,—такъ огромно будетъ количество теплоты, вызванное толчкомъ и внезапной остановкой движенія.

Его долгъ—объявить объ этомъ,—сказалъ директоръ; онъ знаетъ, что отъ него ждали успокоительныхъ рѣчей, новыхъ доводовъ въ пользу неосновательности тревоги—въ дополненіе къ тѣмъ, которыми газеты еще сегодня утромъ ублаживали всѣхъ. Но его долгъ передъ истинной и наукой—говорить такъ, какъ онъ говорилъ. Положеніе очень серьезно, до ужаса серьезно. Если не случится чего-нибудь непредвидѣннаго, то землѣ, по его мнѣнію, безусловно нѣтъ спасенія.

— Я не любитель парадоксовъ—закончилъ лекторъ,—но я могъ бы сказать: если Араго когда то считалъ вѣроятность гибели наго столкновенія земли съ какой-нибудь кометой равной отношенію 1 : 280 милліоновъ, — то на этотъ разъ вѣроятность счастливаго исхода, возможность спасенія для населенія земли можетъ быть выражена тѣмъ же отношеніемъ 1 : 280 милліоновъ...

Въ залѣ мало-по-малу воцарилась мертвая тишина. Толпа сидѣла, словно обвѣянная предчувствіемъ грядущаго. Всѣ поняли, что въ словахъ оратора—правда, полная, страшная правда; всѣ почувствовали, что судьба земли рѣшена. Находились еще, правда, нѣкоторые, цѣплявшіеся за соломинку того спасительнаго «непредвидѣннаго», о которомъ говорилъ лекторъ и которое могло еще предотвратить грозный рокъ, но привычная безчечность, съ которой до сихъ поръ принималась сенсационная вѣсть, приносимая съ утра газетами одновременно съ кофе,—отлетѣла безвозвратно.

Толпа обступила лектора, когда онъ кончилъ. Всѣ надѣялись почерпнуть отъ него въ частной бесѣдѣ какія-нибудь «неофициальныя» свѣдѣнія, утѣшительныя лично для себя. Но напрасно: старикъ директоръ коротко отдѣлывался отъ всѣхъ осаждающихъ:

— Я все сказалъ, что могъ и имѣлъ сказать, а праздные разговоры объ опасности не могутъ устранить ее.

А когда одинъ изъ стоявшихъ поближе къ нему рѣшился спросить, что же можно сдѣлать, чтобы по крайней мѣрѣ смягчить грозящій ужасъ,—глаза старика блеснули изъ подъ нависшихъ бѣлыхъ бровей и онъ произнесъ одно только слово:

— Надѣяться!..

Когда въ залѣ немного утихло, не кафедрѣ вмѣстѣ старика ученаго стоялъ докторъ Штейнвегъ.

— Что еще этому нужно? Кто это? пронеслось въ толпѣ.

Когда кто-то объяснилъ, что это главный ассистентъ при обсерватори, одна дама «среднихъ» лѣтъ шепнула своей сосѣдкѣ:

— Ахъ, это докторъ Штейнвегъ, этотъ угрюмый старый холостякъ! Ну, этотъ пойдетъ сейчасъ предъявлять свои „моральныя требованія“!..

— Высокоуважаемый предшественникъ и начальникъ мой разрѣшилъ мнѣ сказать вамъ, господа, еще нѣсколько словъ, и я позволяю себѣ просить васъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ вниманія. Тяжелымъ кошмаромъ ляжетъ вамъ на душу то, что вамъ пришлось услышать сегодня. Насколько это въ силахъ человѣческаго знанія и человѣческой способности предвидѣнія, мы должны признать, что стоимъ наканунѣ „свѣтопредставленія“, о которомъ упоминаютъ пророчества исѣхъ культурныхъ народовъ. Ближится день „страшнаго суда“, хотя и въ иномъ видѣ, чѣмъ этого ждутъ вѣрующія души. Ближится конецъ, назначенный судьбой каждому изъ насъ, — но онъ наступаетъ одновременно и для многихъ и многихъ миллионовъ другихъ людей. Тщетно стали бы мы искать въ этихъ теветахъ, сплетенныхъ рокомъ, дыры, чрезъ которую мы могли бы ускользнуть; тщетно стали бы мы призывать и молить о спасеніи современныхъ боговъ нашихъ—чудодѣйственныя силы техники... ни одинъ изъ нихъ не поможетъ! Нѣтъ такого быстрого судна, нѣтъ поѣзда-молнии, который могъ бы насъ умчать отъ гибели. Нѣтъ и воздушнаго корабля, который могъ бы достигнуть обѣтованной земли, мимо которой невредимо пронеслось бы космическое бѣдствіе. Вы сокрушаетесь о гибели нашей планеты, о гибели человѣчества... А я говорю вамъ: это—не самое худшее, что можетъ насъ постигнуть! Съ нами давно уже случилось худшее..

Въ толпѣ нѣкоторые удивленно переглядывались: о чемъ это онъ?.. Но ораторъ продолжалъ:

— Давно уже души наши погибли въ прославленной культурѣ нашихъ дней! Гораздо хуже этой физической гибели нашего поколѣнія то, что происходитъ въ насъ за послѣднія десятилѣтія все сильнѣе и неудержимѣе: гибель всего того, что только и

можеть сдѣлать истинно-цѣнной нашу бѣдную жизнь,— всего лучшаго, за что боролись и страдали благороднѣйшіе умы человѣчества, что провозглашали и воспѣвали наши поэты...

— Что за неумѣстный въ наше время идеализм!— воскликнулъ кто-то въ толпѣ такъ громко, что ораторъ услышалъ.

— Въ наше время?—повторилъ онъ.—Оглянитесь же на наше время! Кто изъ насъ еще вправѣ сказать о себѣ, что онъ сохранилъ вѣрность своимъ идеаламъ? Оглянемся,—что сдѣлала изъ насъ эта безумная погоня за виѣшнимъ успѣхомъ, эта вакханалія карьеризма! Прославленная культура нашей эпохи сдѣлала насъ быстроногими, открыла наше слово, изощрила наше зрѣніе и слухъ, дала намъ въ руки силу овладѣть миллионами лошадиныхъ силъ съ помощью электрической узды,—но она сдѣлала плоскимъ нашъ умъ и опустошила наше сердце. Оглянемся на наше общество съ его ужасающей бездной противорѣчій между «верхами» и «низами»! Друзья мои! Угасающій духъ нашъ мы должны спасти! Если намъ суждено погибнуть, погибнемъ же людьми, достойными этого имени! О насъ никто не напишетъ исторію, никто не будетъ ни судить, ни карать насъ,—каждый изъ насъ одинъ будетъ своимъ судьей. Земля можеть рухнуть, но не должно рухнуть наше челоуѣческое достоинство! Превыше пространства и времени, превыше всѣхъ преходящихъ дѣлъ и интересовъ да будетъ въ насъ сознаніе нашей личности, наше божественное, вѣчное «Я»...

— Довольно! Фразы пустыя! Вадоръ! Довольно!—раздались возбужденные голоса въ толпѣ.

— Не мѣшайте! Дайте кончить! Тише!—кричали другіе.

Толпа начинала раздѣляться на партіи. Послышался свистъ и шипѣніе...

Вдругъ на хорахъ зала что-то мелькнуло и оттуда полетѣли въ толпу сотни печатныхъ листовъ.

— Прибавленія!—Кричало нѣсколько голосовъ.—Возстаніе въ Нью-Йоркѣ! Революція въ Чикаго!

— Прочеть вслухъ! Вслухъ прочеть!—кричали нѣкоторые.

Молодой челоуѣкъ, по виду рабочій, взобрался на столъ и началъ читать:

«Телеграмма изъ Нью-Йорка: Сегодня

открылся секретный докладъ адѣшней государственной обсерваторіи! Крушеніе земли 3-го сего августа! Неизбѣжна страшная катастрофа! Вѣроятная гибель всего существующаго! Возстанія среди населенія! Осада Тамани-Голлы! Разгромъ банковъ и магазиновъ! Въ Чикаго также революція! Всю ночь кровавый бой на улицахъ! Правительство безсильно! Война всѣхъ противъ всѣхъ!».

Словно горящія головки, перебрасываемыя вѣтромъ со здания на зданіе, полетѣлъ надъ всѣми головами крикъ:

«Война всѣхъ противъ всѣхъ!».

Поднялся невообразимый шумъ. Всѣ тѣснились къ оратору, обступая его; сжимались кулаки; крики гремѣли, перекатываясь, въ обширномъ залѣ. Лучшие элементы бросились вонъ изъ зала.

Д-ръ Штейнвегъ стоялъ, не шевелясь и спокойно и твердо обводилъ глазами бушующую толпу.

Чья-то рука схватила его за плечо.

— Уйдемъ отсюда, дорогой другъ!—обратился къ нему старикъ директоръ.—Вы видите, что тутъ начинается! Тутъ единичное вліяніе безсильно! Глупая и безобразная случайность,—эти тревожные слухи изъ Америки непоправимо испортили все... Но быть можетъ, вамъ все же удалось пробудить въ душѣ нѣкоторыхъ чутко дремавшую совѣсть. Во всякомъ случаѣ, теперь намъ съ вами тутъ дѣлать нечего!

Въ общемъ настроеніи наступилъ рѣзкій поворотъ. Тревожныя вѣсти становились все многочисленнѣе и чаще. Ожиданіе было еще жутче отъ того, что приближающагося врага еще не было видно изъ-за солнечныхъ лучей, скрывавшихъ его.

Современной цивилизаціи и культурѣ предстояло показать, сумѣла ли она переродить герлобытныя инстинкты человѣка,—и она показала свое позорное безсиліе. Трудъ всюду замеръ, несмотря на всѣ мѣры правительства, не останавливавшагося и передъ насиліемъ. Всюду царилъ мятежъ. Люди метались въ отчаянныхъ поискахъ спасенія, и одни создавали самые фантастическіе планы спасенія, то ребячески неосуществимые то завѣдомо шарлатанскіе, а другіе слѣпо попадались на любую удочку. Воскресли самыя дикія суевѣрія мрач-

нѣйшихъ средневѣковыхъ эпохъ, хотя и въ современной формѣ, и религиозный экстазъ овладѣлъ умами съ эпидемической силой. «Армія спасенія» развила необычайную дѣятельность. Страховыя общества сулили за огромную плату полную безопасность въ построенныхъ ими воздушныхъ аппаратахъ, наполненныхъ чистымъ геліемъ и снабженныхъ гондолами, непроницаемыми для воды и недоступными сотрясенію...

13-го іюля передъ самымъ захоломъ солнца въ Европѣ въ первый разъ показала темная точка впереди слегка заволокнутаго облакомъ солнца. Явленіе это могло бы быть принято за небольшое частичное затменіе, но календари не говорили о предстоящемъ въ этотъ день затменіи.

Люди большими группами толпились на улицѣ, указывая на маленькое круглое пятно. Вѣдь это и былъ онъ, страшный врагъ, разрушитель!

Въ уныніе пришли и всѣ тѣ, кто еще утѣшалъ себя отрицаніемъ самаго существованія этого злого врага. Сомнѣній больше не оставалось: онъ шелъ неумолимо и неуклонно, и съ каждой секундой приближался къ землѣ на двадцать миль!

И по мѣрѣ того, какъ росло и увеличивалось пятно впереди солнечнаго диска,—росли, шагая гигантскими шагами, страхъ, тревога и отчаяніе однихъ и безумный, безудержный духъ разрушенія у другихъ.

23-го іюля въ 5 часовъ 34 минуты пополудни яркое солнце впервые совершенно скрылось на мгновеніе за темнымъ дискомъ «кометы».

III.

Въ маленькомъ Тюрингенскомъ городкѣ Камбургѣ у открытаго окна мезонина хорошенькаго дачнаго домика стояла въ сумеркахъ одинокая женская фигура, глядя внизъ, на долину рѣки Саала.

Не было уже въ ея наружности обаянія первой юности, но лицо ея было необычайно привлекательно красивымъ контрастомъ большихъ голубыхъ глазъ и темно-каштановыхъ волосъ, и во всей фигурѣ ея, окутанной мягкими складками бѣлаго платья, было столько одухотворенной красоты,—какъ будто отблескомъ внутренняго свѣта была она вся озарена,—что нельзя было пройти мимо нея.

Равнодушнымъ взглядомъ смотрѣла она на толпившихся на берегу Саала людей, точно пригвожденныхъ

къ землѣ и не сводившихъ глазъ съ одной точки на небѣ. Высоко въ ясной синевѣ висѣла большимъ темнымъ шаромъ грозная комета, отчетливо видимая теперь, вслѣдствіе огромныхъ размѣровъ и казавшаяся теперь повисшей рядомъ съ солнцемъ.

Ганна Родбахъ знала значеніе этого чернаго силуэта, но лично ей онъ не былъ страшенъ; ей онъ не врагъ, а скорѣе избавитель. Ея врагомъ была жизнь, та самая жизнь, за которую такъ крѣпко держались всѣ и теперь изнывали отъ отчаянія и страха потерять ее, но которая для нея была только врагомъ, разрушившимъ ея лучшія надежды.

Отъ грозной тѣни на небѣ мысли и мечты ея обратились къ тому, кто избралъ себѣ дѣломъ жизни изученіе неба и его законовъ: къ д-ру Штейнвегу, къ той невозвратной порѣ, когда онъ еще былъ для нея Эрвиномъ, ея первой и единственной молодой любовью..

Быть можетъ, и онъ въ эту самую минуту смотритъ—пытливымъ глазомъ ученаго—вверхъ на небесное пятно.. О, сколько онъ рассказалъ бы ей теперь, если бы они гуляли рядомъ, какъ когда-то, больше пятнадцати лѣтъ тому назадъ, подъ усѣянными звѣздами небомъ по роднымъ лугамъ!..

Невозвратное прошлое!.. Теперь она понимаетъ, что оба они не были виноваты въ происшедшемъ между ними разрывѣ. Жизнь оказалась сильнѣе ея! Она окутала ее тысячею чуть видныхъ мелкихъ цѣпей, которыя ограбили у нея счастье. Съ горечью вспоминала она всѣ хитрости и уловки ея родныхъ, съ помощью которыхъ они отдалили отъ нея любимаго человѣка; легкая горечь вставала въ ея душѣ и противъ себя самой, за то, что у нея не хватило энергии и рѣшимости отстоять свою любовь и свое счастье.

Онъ ни разу не видѣлъ ея съ тѣхъ поръ, а она видѣла его единственный разъ—нѣсколько времени тому назадъ, когда она ѣздила въ столицу чтобы присутствовать на засѣданіи научнаго общества, въ которомъ онъ читалъ докладъ по поводу сдѣланнаго имъ открытія. Она сидѣла въ отдаленномъ укромномъ уголкѣ зала, откуда могла безпрепятственно наблюдать за нимъ. Какъ живо сохранились въ этомъ мужественно-серьезномъ лицѣ милыя юношескія черты, такіа знакомыя и родныя ей, такіа любимыя! И какъ ясно ей стало въ тотъ вечеръ, что сердце ея, несмотря на разрывъ, все же и все еще принадлежитъ ему одному!..

Съ усиленъ оторвавшись отъ своихъ думъ, она обернулась на звукъ отворяемой двери и, една сдержавъ крикъ испуга, схватилась рукой за сердце.

Среди комнаты стоялъ онъ, онъ самъ!

Она замерла на мѣстѣ, не въ силахъ пошевелинуться. Онъ подошелъ къ ней, взявъ ея руки въ свои и увѣренно, крѣпко, но въ то же время и любовно-бережно сжимая ихъ, просто и задумчиво проговорилъ:

— Судьба не судила намъ прожить жизнь вмѣстѣ, моя Ганна, дорогая, незабвенная... Но она не можетъ помѣшать намъ... если только ты хочешь...

— ... умереть вмѣстѣ!—быстро закончила она, и глубокие глаза ея засвѣтились яснымъ и радостнымъ огнемъ.

Внизу въ долину колыхалась масса людей, возбужденно жестикулируя; то и дѣло доносились ихъ взволнованные или испуганные восклицанія и крики; а наверху у окна, высоко надъ мятушейей толпой, стояли, крѣпко обнявъ другъ друга, двое счастливецъ,—быть можетъ, единственные на землѣ, смотрѣвшіе съ спокойной душой на грознаго врага, темнѣвшаго въ свѣтѣ сумерекъ на небѣ еще жутче и грознѣе...

Перо отказывается описывать чудовищно-ужасныя сцены, разыгрывавшіяся между людьми за нѣсколько часовъ до столкновения. Воскресли всѣ ужасы былыхъ войнъ и революцій, но въ формахъ еще болѣе разнузданныхъ и жестокихъ. Какъ на тонущемъ кораблѣ съ циничнымъ разгуломъ обнажается ничѣмъ не обузданный звѣриный эгоизмъ людей,—такъ закипѣла темерь, но только въ сотни, въ тысячи разъ разнузданнѣе и свирѣпѣе ожесточенная борьба за существованіе двуногихъ звѣрей, отдавшихъ во власть и на волю своихъ врожденныхъ животныхъ инстинктовъ. Трусость и жестокость—вотъ все, что уцѣлѣло въ душѣ существа, мнившаго себя прекраснымъ вѣнцомъ творенія.

Въ безуміи борьбы и отчаянія, подхваченные волной разрушенія, люди, сознававшіе себя обреченными, стихивымъ ураганомъ носились по улицамъ городовъ и деревень и еще недавно кипучихъ, крупныхъ, культурныхъ центровъ: разрушали памятники, осаждали тюрьмы, взрывали динамитомъ заводы, фабрики, желѣзнодорожные мосты...

А надъ головами, надъ всѣми дикими и страшными картинами стихійнаго разгуда страстей, неудержимаго взрыва отчаянія и ужаса, надъ рѣками крови, пролива-

емой въ ожесточеніи борьбы за призракъ спасенія, за мѣсто въ одномъ изъ воздушныхъ шаровъ или аппаратовъ—повисала все ниже и ниже, вѣя дуновеніемъ неминуемой смерти, злобѣщая, необозримая черная тѣнь, затянущая больше половины неба, почти скрывшая солнце

На тихой вышкѣ П-й обсерваторіи стоялъ, какъ вѣрный часовой, старикъ директоръ, не сводя глазъ съ своихъ инструментовъ.

Онъ не могъ бы сказать, для чего и для кого онъ слѣдитъ за этими интересными измѣненіями въ небесной механикѣ. Но умъ, воспитанный на идеалистическомъ служеніи чистой наукѣ, и душа суроваго рыцаря долго не допускали и мысли покинуть свой постъ до послѣдняго мгновенія и послѣдняго вздоха. И съ привычнымъ спокойствіемъ духа, онъ педантично внимательно и добросовѣстно продолжалъ свои наблюденія и записи.

А во вселенной совершался глубоко интересный моментъ. Астрономическія пертурбаціи усложнились и всевозможными разстройками въ области земного шара. Сейсмографы въ подвальномъ этажѣ обсерваторіи показывали колебаніе почвы, эпицентръ котораго находился, повидимому, гдѣ-то въ западномъ полушаріи.

Докторъ Штейнвегъ, такой же строгій и самоотверженный слуга науки и долга, также не хотѣлъ покидать свой постъ до послѣдняго мгновенія, но директоръ нашелъ, что умереть его долгъ не здѣсь.

— Дорогой мой другъ!—сказалъ онъ ему дня два тому назадъ, положивъ ему руку на плечо и глядя на него добрыми глазами старшаго любящаго брата.—Вы какъ-то разсказывали мнѣ, почему вы остались одиноки... Ну, вотъ... въ эти тяжкіе часы она тоже одна... Поѣзжайте къ ней! Теперь ваше мѣсто тамъ, около нея!

— Оставить васъ одного, дорогой, уважаемый другъ?

— Ну, ну... что жъ дѣлать, когда моя старушка покинула меня рано... Не беспокойтесь обо мнѣ и поѣзжайте съ Богомъ сразу. Въ послѣдній разъ сыграю роль начальника и отрѣшу васъ *in optima forma* отъ вашихъ служебныхъ обязанностей. Ну... и чуть было не скачалъ: «до свиданія»..

Сигнальный звонокъ вывелъ директора изъ раздумья; это была какая-то вѣсть по трансатлантическому телеграфу.

Директоръ подошелъ къ аппарату. На сматывающейся, автоматически отпечатанной полосѣ бумаги онъ про-

чель слѣдующую ленту, поданную въ Нью-Йоркъ въ 8 часовъ 49 минутъ 38 секундъ утра по американскому времени.

«Грандіозныя вулканическія изверженія въ пѣпи Андовъ. Вновь начали дѣйствовать сотни давно потухшихъ кратеровъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній пока не имѣемъ».

Директоръ въ раздумьи вторично перечиталъ телеграмму.

— Земля трепещетъ въ ожиданіи... прошепталъ онъ про себя съ задумчивой и печальной улыбкой.

Медленно и тяжело ползло время подъ гнетомъ все ниже нависающей надъ скорбной землей темной массы.

Директоръ снова подошелъ къ телескопу, чтобы еще разъ отмѣтить уголъ склоненія кометы. Но едва онъ взглянулъ,—изъ груди его вырвался крикъ.

Съ лихорадочной поспѣшностью началъ онъ набрасывать на бумагу формулы и цифры..

Прошелъ еще часъ. Онъ снова провѣрилъ положеніе кометы и снова принялся за вычисленія. Затѣмъ однимъ прыжкомъ очутился у телеграфѣ.

Старыя руки сильно дрожали, когда онъ взялся за ручку аппарата,—но протелеграфировать ему надо было всего нѣсколько словъ.

И только исполнивъ этотъ долгъ, онъ въ изнеможеніи упалъ на кресло передъ своимъ письменнымъ столомъ.

IV.

Но вотъ наступимъ роковой часъ...

Д-ръ Штейнвегъ посмотрѣлъ на свой карманный хронометръ...

— Еще 34 минуты и 52 секунды!.. сказалъ онъ Ганнѣ Родбахъ, стоявшей рядомъ съ нимъ, плечо къ плечу, у окна своей комнатки въ мезонинѣ.—Ровно 3 часа!..

— Не смотри больше на часы, милый.—шепнула она.—Время и безъ того пройдетъ достаточно быстро.. для тебя и для меня и для всѣхъ насъ..

И съ невыразимымъ ужасомъ она вглядывалась въ чернѣющее передъ ней и надъ ней небо. Зловѣщій кругъ казался, въ силу оптическаго обмана, полымъ внутри—и эта полость опускалась все ниже вѣяющей черной

бездной, готовой жадно втянуть въ себя трепетную землю...

Гигантское тѣло все больше и больше затягивало небо... вотъ оно совсѣмъ затянуло солнце!..

Мертвый, страшный свинцовый свѣтъ полного солнечнаго затмения все окутала собой, дѣлая еще болѣе зловѣщими послѣднія минуты.

Насыщенная электричествомъ атмосфера разряжалась нескончаемыми раскатами грома. Вѣтеръ вылъ, сотрясая порывами все на своемъ пути. Посыпался градъ огромными частыми льдинами.

Часы на далекой башнѣ показывали 3 часа 34 минуты... обостренное зрѣніе Штейнвега отчетливо различало значки... Еще только нѣсколько секундъ...

Огромный черный шаръ засталъ собой все небо и только по окружности его непрерывно сверкали, переливаясь, какъ сѣверное сіяніе, короткія, яркія вспышки, точно ореоломъ окружавшія шаръ...

— Благодарю тебя еще разъ, Эрвинъ, за то, что ты со мной... Обними меня крѣпче, любимый!..

Она поцѣловала его. Онъ заглянулъ ей въ глаза долгимъ, глубокимъ, скорбнымъ взглядомъ.

Вдругъ лицо ея, смертельно блѣдное въ свинцовомъ сумракѣ, озарилось свѣтлымъ лучомъ..

Что это?... Прорвавшійся подземный огонь?... Или пламя изъ міровыхъ пространствъ, готовое расплавить, испепелить землю?..

Нѣтъ, это былъ первый и робкій солнечный лучъ...

Штейнвегъ вынулъ часы... Было 3 часа 37 минутъ 29 секундъ... почти тремя минутами больше...

Что же это? Ошибка въ вычисленіи? Столкновение произойдетъ позже?... Но нѣтъ;—сбоку уже снова проглянуло солнце.. небо яснѣетъ, яснѣетъ...

Да что же случилось?!..

Короткая телеграмма, полученная правительствомъ за нѣсколько секундъ до ожидаемаго столкновения изъ П-й обсерваторіи, содержала всего нѣсколько словъ:

«Столкновение избѣгнуто внезапнымъ отклоненіемъ земли съ своей орбиты за нѣсколько часовъ до катастрофы. Причины неизвѣстны. Въ 3 34' 52'' «комета» будетъ уже на разстояніи 100 миль отъ земли.

О. Б. Серваторъ

Земля была спасена въ послѣдній критическій мигъ...

Въ числѣ пожеланій, приписанныхъ директоромъ своему другу и сотруднику въ день его свадьбы, было одно, которое докторъ Штейнвегъ свято исполнилъ: чтобы расцвѣтшее сердце его осталось вѣрно прежней святынѣ—наукѣ. Счастье любви, восторжествовавшей почти на обломкахъ всякихъ надеждъ, не помѣшало Штейнвегу отдаться прежнимъ научнымъ трудамъ,—и уже черезъ нѣсколько недѣль онъ представилъ академии наукъ свою работу—исслѣдованіе „о причинѣ несостоявшася столкновенія между кометою 3-го августа и землей».

Авторъ доказывалъ, подтверждая свое мнѣніе подробными вычисленіями, что внезапное отклоненіе земли отъ своей орбиты произошло просто подъ вліяніемъ обратнаго тѣлца, произведеннаго на земной шаръ внезапнымъ изверженіемъ сотенъ кратеровъ въ дѣли Андовъ. Докладъ его заканчивался слѣдующими словами:

«Какое это было блестящее и грандіозное подтвержденіе извѣчнаго закона борьбы за существованіе! Какъ во всемъ живомъ мірѣ опасность пробуждаетъ къ жизни дремлющія силы организма или понуждаетъ ихъ къ новой дѣятельности,—такъ и мать-земля наша напрягла въ грозный моментъ борьбы за свое существованіе всѣ свои дремлющія, безчисленными тысячелѣтіями накопленныя силы, чтобы противопоставить ихъ врагу способомъ самымъ простымъ, но и самымъ дѣйствительнымъ,—и этимъ обезпечила нашимъ поколѣніямъ возможность дальнѣйшаго развитія на новые милліоны лѣтъ, Ибо только въ безостановочномъ развитіи, въ безконечномъ строительствѣ—въ эволюціи—заключается вся тайна и весь смыслъ жизни.

Рай—не въ прошломъ, а въ будущемъ!»

Послѣдняя фраза рукописи была написана женскою рукой.—рукой Ганны Штейнвегъ, для которой эта заключительная мысль была полна не только бодрой филозофской вѣры, но и глубокаго радостнаго личнаго значенія.